

Глава 21

Восемь сторон вторят хаосу

— Ему просто не хватает возлюбленной. Уж не ты ли это будешь? — хмыкнул Дань Фэн.

— А может, ты? — парировал Се Хунъи.

Оба холодно усмехнулись.

Хотя Дань Фэн и свернул в другой переулок, ощущение опасности за спиной лишь усилилось. Вскоре послышался грохот падающих предметов. Он уворачивался то вправо, то влево. Се Хунъи, висевший у него за спиной, чувствовал себя куда свободнее. Он легко потянул за красную нить.

— Стой!

— Ты меня за лошадь держишь? Не боишься спину сорвать? — проворчал Дань Фэн, но шагу не сбавил.

Эта улочка была на диво длинной и узкой, вся заставленная лавками так, что и шагу ступить негде. Эти разбросанные по прилавкам безделушки в обычное время могли бы показаться милыми, но под покровом Техники Переделки Тени от них веяло зловещей угрозой.

И... здесь были люди.

Прохожих не было, но в каждой лавке сидели торговцы, повернув к нему свои багровые лица. Мужчины и женщины, старики и дети — все с одинаковым выражением застенчивой радости, не мигая, смотрели на него. Их взгляды, словно дыры, прорезанные ножницами, впивались в спину, вызывая леденящий ужас.

Снова призраки, служащие Бодхисаттве Внимающему Небесной Радости?

Дань Фэн ещё не разгадал их природу, но понимал, что пробиваться дальше грубой силой — значит навлечь на себя большую беду.

Однако стоило остановиться, и тень тут же настигнет их.

Мысли Дань Фэна неслись с бешеной скоростью, и вскоре он заметил странность. Почему здесь так много фонарей?

В переулках Города Блуждающих Теней фонари обычно висели в десяти шагах друг от друга, но здесь они теснились один к другому. Изящные и роскошные, в виде танцующих рыб и драконов, они были соединены красными шёлковыми лентами, образуя целый мост из света. Под фонарями плавно колыхались кисти.

— Праздник фонарей духовного родства.

Те, чьи сердца бьются в унисон, могут взять фонарь.

«Взять фонарь?» — не раздумывая, Дань Фэн сорвал один. Торговец в лавке всё так же с улыбкой смотрел на него, но в тот миг, когда Дань Фэн коснулся фонаря, шея торговца вытянулась до самого фонаря, и он, подобно змее с человеческим лицом, обвился вокруг них, раскрывая и закрывая рот. Ледяное, зловонное дыхание ударило в лицо.

Тварь была до омерзения отвратительна. На тыльной стороне ладони Дань Фэна вздулась вена. Ему до смерти хотелось схватить её, завязать узлом и зашвырнуть куда подальше.

— Он спрашивает, хотим ли мы взять фонарь, — сказал Се Хунъи. — Возьмём — и сможем идти дальше.

— Идти дальше? — остро переспросил Дань Фэн. — А если я его сломаю и выброшу?

— Следуй его правилам, и никто тебя не остановит, — ответил Се Хунъи.

Глаза Дань Фэна блеснули. Сорвать фонарь — и переулок погрузится во тьму, что даст им хоть какое-то укрытие от тени. Но насколько можно верить словам Се Хунъи?

— Не так-то это просто, верно? — спросил Дань Фэн. — Что ему от нас нужно?

Торговец медленно втянул шею. В его руках, неизвестно откуда, появилась выцветшая деревянная табличка.

— Лишь тот, кто отвечает без запинки, обладает духовным родством. Неискренний будет повешен под фонарём и станет его кистью.

Его губы растянулись в ухмылке, а щёки заалели ещё ярче. Фонари вдалеке тихо качались, и каждый раз, ударяясь о стену, оставляли беспорядочные кровавые тени, которые с первого взгляда напоминали следы отчаянно брыкающихся ног.

Разве могли злые духи, служащие Бодхисаттве Внимающему Небесной Радости, быть безобидными?

Неискренний...

— Можно говорить только правду? — уточнил Дань Фэн.

— Всё просто. Двое задают друг другу вопросы. Ответишь — можешь взять фонарь. Не ответишь — тоже не беда. Главное — не лгать намеренно, и тогда жизни ничего не угрожает, — пояснил Се Хунъи.

Дань Фэн бросил на него взгляд. В полумраке улыбка и злой умысел смешались на его лице, заставляя быть начеку. Слишком просто звучит, чтобы быть правдой.

Духовное родство, значит? Что ж, тогда пусть не винит его за дотошность!

Он прищурился, шагнул вперёд, сорвал фонарь и спросил:

— Какая опасность таится за этими фонарями?

Неважно, какую ловушку готовил ему этот Се, но шаг был сделан, и игра началась.

— Если пришли влюблённые, чьи сердца бьются в унисон, то опасности нет, — спокойно ответил Се Хунъи. — А те, кто ещё не нашёл свою пару, в этом переулке даже вопросов не расслышат, не то что ответить на них.

Фонарь в руках Дань Фэна ослаб. Он сорвал его и зашвырнул в противоположный конец переулка, снова скрывшись в тени.

Так просто? Можно и продвигаться вперёд, и выпытывать у Се Хунъи ответы. Разве бывает такое даром?

Стоило этой мысли промелькнуть у него в голове, как пальцы Се Хунъи медленно скользнули по зеркальному клинку.

— Моя очередь, — с нескрываемым отвращением произнёс Се Хунъи. — А что скрывается за твоей формацией?

Губы Дань Фэна изогнулись в усмешке, полной неукротимой ярости. Правильный вопрос. Он не только не хотел ничего скрывать, но и намеревался похвастаться перед ним.

— Ловить, запирать — для чего ещё? Я выковал огненную темницу на дне озера Ганьцзян, — сказал он. — Залил пол тысячами цзиней расплавленного золота, из костей десяти Драконов-факелов выковал цепи. Тысячи видов духовного огня на дне озера не угаснут вовек, а повсюду

стерегут звери и драконы. Но глаза слепить не будет. Когда я закончу, это будет единственное место в огненном море, куда не проникает свет.

Едва он договорил, как пальцы Се Хунъи с силой сжались. Может, ему показалось, но воздух на миг застыл, словно невидимая струна натянулась и дюйм за дюймом сдавила ему шею.

Сердцебиение на том конце красной нити... помимо гнева, в нём слышался и слабый страх?

Второй фонарь мягко опустился в ладонь Се Хунъи и был тут же раздавлен.

Дань Фэн был уверен, что тот не нападёт сейчас, и лишь вызывающе усмехнулся.

— Ну как?

— Бесстыдно, мерзко, низко, — холодно бросил Се Хунъи.

— Так что же у вас с тенью...

— Как меня зовут? — перебил его Се Хунъи, задав тихий вопрос.

— Се... — Дань Фэн мельком взглянул на него и почувствовал неладное. Месть, вероятно, крылась именно здесь. Настоящее имя, вымышленное — кто разберёт?

Из-за этой заминки фонари перед ним бешено закачались, а торговцы, вытянув шеи, начали извиваться, словно змеи.

— Се Хунъи. Неужели тебя зовут Се Синие Одежды? — сказал Дань Фэн.

Фонарь взлетел в воздух и, словно гигантский колокол, обрушился на него! Раздался гулкий удар, от которого содрогнулись все внутренности, а уши словно пронзили насквозь. Даже такому, как Дань Фэн, потребовалось время, чтобы прийти в себя.

Так здесь ещё и наказывают?

— Забыл сказать, — сбоку произнёс Се Хунъи. — На другие вопросы можно и не отвечать. Но если не знаешь имени, происхождения или даты рождения, это сочтут за пренебрежение и слегка накажут.

— Ты нарочно, — безэмоционально констатировал Дань Фэн. — Хорошо. Какое у меня было детское имя?

Се Хунъи коснулся кончиком пальца фонаря и легонько подтолкнул его:

— Фэнъе.

— Он и это тебе рассказал?! Мой истинный огонь...

— У тебя нет огня, — ответил Се Хунъи.

— До того, как он погас!

— Канонический огонь красного лотоса.

— Мой день рождения.

— Двадцатый год эры Расплавленной Лодки, пятый день пятого месяца.

После нескольких коротких фраз Се Хунъи отбросил ещё несколько фонарей. Хоть он и говорил ровным тоном, холод на его лице никуда не делся. Дань Фэн, заметив это, внезапно сменил тему:

— Так какие у вас отношения с тенью?

Он нанёс ответный удар, но Се Хунъи, казалось, ничуть не удивился. Он лишь на мгновение замолчал.

Пятна света от качающихся фонарей и учащённое сердцебиение на другом конце красной нити смешались воедино, рождая лишь ненависть. Ненависть к тому, кто, ничего не зная, смеет так нагло допытываться!

— Конечно, у нас взаимная любовь, — ответил Се Хунъи.

— Ты ещё смеешь лгать? — не поверил Дань Фэн.

На этот раз Се Хунъи даже не пытался ничего скрыть. Торговцы в лавках одновременно вытянули шеи, оскалились и с рёвом, подобным морскому приборю, закачались. Фонари заплясали в бешеном танце, увлекая за собой алые шёлковые ленты. Се Хунъи холодно усмехнулся. Холодная, мягкая прядь его волос скользнула по шее Дань Фэна.

— Беги.

— Ты заварил кашу, почему я должен бежать?

Ради спасения своей жизни Дань Фэн стерпел этот зуд, полный скрытой угрозы. Но кто бы мог подумать, что следом его уха коснётся что-то прохладное, похожее на шёлк. Этот парень совсем обнаглел?

— Нагнись! — резко крикнул Се Хунъи.

— Если хочешь что-то сказать, говори, а не распускай руки...

Се Хунъи двумя пальцами с силой ткнул его в спину, но было уже поздно.

Шёлковая лента хлынула к ним, в мгновение ока стягивая лицо, и тут же начала уплотняться, становясь невероятно прочной и упругой, намереваясь подвесить его в воздухе!

Чёрт, почему она нацелилась на него?

Перед глазами Дань Фэна потемнело. Он схватился за ленту, но та тут же окутала всё его тело. Он ненавидел эту вязкую, изматывающую борьбу, когда нельзя ни вырваться, ни разорвать путы. В груди разгорался огонь, и каждая кость в его теле жаждала превратиться в острое лезвие.

И он действительно так и сделал. В тот миг, когда клинок Фэнъе начал формироваться в его даньтяне, две тонкие, холодные, как железо, пальцы, пробившись сквозь шёлк, ухватили его за подбородок.

Дань Фэна словно ударило молнией. Клинок Фэнъе рассыпался и упал обратно в даньтянь. И тут же, на счастье или на беду, последовал быстрый и жестокий удар. Острие клинка, возникнув у виска, пронеслось по всей глазнице, и холодный свет прорвал пелену.

— Тьфу, а я уж подумал, ты меня лапаешь, — с облегчением выдохнул Дань Фэн. Он разорвал ленту по разрезу и наконец смог открыть глаза, но его взгляд тут же застыл на сверкающем острие шпильки.

Она была выкована очень тонкой, с двумя лезвиями, и больше походила на короткий кинжал.

Дань Фэн осознал, что произошло, и недоверчиво спросил:

— Моё лицо? Ты этим его порезал?

— У тебя толстая кожа, — ответил Се Хунъи. — Оставил тебе глаза, чтобы ты видел дорогу,

болван.

— Но это же всё-таки лицо!

— Ты ранен? — спросил Се Хунъи.

Дань Фэн пристально посмотрел на него. Любой ответ был бы унижительным. Он лишь сорвал с себя остатки ленты. Та всё ещё извивалась, пытаясь снова облепить его, словно назойливый пластырь. Он завязал её узлом и, размахивая ею, как кнутом, отбивался от налетающих фонарей и алых лент.

Тем временем сзади снова надвигалась могучая тёмная тень.

Нет, так не пойдёт. В этом переулке Эха творится сущий шабаш. Нельзя же всё время убегать и отбиваться. Сколько они так пробегут — неизвестно, но в городе, скорее всего, не останется ни одного живого человека.

Нужен выход... Как в поединке мастеров, когда противник обрушивает на тебя водопад ударов, не давая передышки, но интуиция подсказывает, что где-то есть шанс переломить ход битвы.

Но где он?

Дань Фэн остановился. Ветер трепал его одежду, но взгляд, пробившись сквозь плотную завесу лент, был устремлён на недалёкую Башню Юньшао. Все восемь переулков сходились к ней. Наверху всё ещё горел свет, но десятки фонарей, собранных в единую гроздь, висели неподвижно, словно бронзовые колокола в древнем храме, окутывая ночную тьму странным, умиротворяющим светом.

За окнами мелькали тени, шло весёлое пиршество. Никто не знал, какой сегодня день.

— Они боятся туда войти, — сказал Се Хунъи.

— Боятся? А там что за нечисть?

— Одна из проблем, которые ты устроил, — ответил Се Хунъи.

— Тогда разберёмся со всеми сразу, — сказал Дань Фэн. — Градоначальник Се, держитесь крепче!

С этими словами он подпрыгнул. Развевающиеся в воздухе ленты тут же устремились к нему, окутывая его со всех сторон и превращая в живой кокон. Те, что подоспели позже, сдавливали

его с удвоенной силой. Даже для такого могучего воина, как Дань Фэн, этот натиск был невообразимым. Каждая мышца, каждая кость трещала на грани излома.

«Плохо дело, на этот раз из фарфоровой саранчи точно сделают бумажную».

Несмотря на это, Дань Фэн, неся на себе гигантский кокон, пробежал ещё несколько шагов. Ленты начали сжиматься с бешеной силой, отчего даже грудная клетка содрогнулась.

Струна, натянутая до предела...

Достаточно.

Хрясь!

Десятки слоёв шёлка лопнули одновременно. Разрыв был идеально ровным, без единой затяжки. Ленты, словно клочья ваты, разлетелись во все стороны.

Промелькнувший на мгновение клинок Фэнъе беззвучно вернулся в дантянь. Дань Фэн одной рукой схватил красную нить и снова прыгнул в сторону Башни Юньшао!

Его догадка оказалась верной. В свете грозди фонарей змееподобные ленты, хоть и не желали отступать, больше не преследовали их и, словно морской прилив, откатились назад.

На этот раз Дань Фэн, наученный горьким опытом, не стал вышибать дверь ногой. Он боком проскользнул внутрь и тут же прикрыл её за собой. Свет из башни хлынул на него, окутывая с головы до ног. В фонарях струился тот же лишённый тепла алый свет, но он был пропитан ароматом вина и создавал непередаваемое ощущение уюта и тепла.

Ноющие кости в плечах и спине Дань Фэна отозвались болью. Он размял лопатки и мысленно спросил:

«Се Хунъи? Ты ещё жив?»

Ответа не последовало, но краем глаза он уже видел тень. Из этого пренебрежительного молчания Дань Фэн понял, что этот хилый градоначальник не только жив, но и чувствует себя вполне вольготно. Кроме растрёпанных после извлечения шпильки волос, на нём не было ни единой складки.

Дань Фэн холодно наблюдал, как тот одной рукой собирает волосы, и прищурился.

У входа в Башню Юньшао стояла небольшая сцена из красного дерева. На деревянной раме

была натянута полупрозрачная белая ткань, а над ней висела бамбуковая табличка с тремя иероглифами: «Раб из Куньлуня».

Спектакля не было, за ширмой — никого.

Лишь несколько ярких кожаных кукол валялись на полу, время от времени подпрыгивая вокруг ящика для театра теней. Внутри ящика лежало тело с вывернутыми руками и ногами, которое подпрыгивало вместе с куклами, мягкое и гибкое, как ивовый прут. Из-под ящика сочилась тонкая струйка крови.

На ладонях трупа было прибито несколько бамбуковых палочек, и каждый раз, когда куклы подпрыгивали, пальцы мертвеца дёргались в предсмертной агонии.

Дань Фэну хватило одного взгляда, чтобы представить, что произошло. Когда начался хаос, этот мастер в спешке собирал свой ящик, но был забит насмерть собственными куклами. Однако градоначальник Се, казалось, остановился не из-за этой жалкой сцены. Его взгляд был прикован к пустой белой ширме.

— У градоначальника Се есть настроение смотреть представление?

— Поздно. Куньлуньский раб ещё не вернулся, — ответил Се Хуньи.

Дань Фэн на мгновение замолчал. Его брови грозно сошлись. Подозрение, которое уже готово было вырваться наружу, наконец нашло выход. Это был уже второй раз, когда он наблюдал, как кто-то перед ним собирает волосы. Он смотрел беззастенчиво, но и Се Хуньи был так же спокоен.

Движения, которыми он собирал волосы, не были отточенными. Широкий рукав соскользнул, и на белом локте блеснул серебряный браслет. Его холодный свет не оставлял места для каких-либо фривольных мыслей.

— Такие длинные волосы, тебя не раздражают? — спросил Дань Фэн. — Кто тебе обычно помогает с ними? Твои стражники, поди, не мастера причёсок?

— Не твоя забота. Мой супруг умеет расчёсывать волосы.

— Он? Да ему и десяти голов не хватит, чтобы всё расчесать.

— Старый вдовец, — с кривой усмешкой бросил Се Хуньи.

Дань Фэн, словно хищник, долгое время терпевший назойливое шуршание камыша, внезапно подался вперёд:

— Ты думаешь, я тоже его любовник? Я об этом ни слова не сказал. А ты, однако, хорошо меня знаешь.

Почти одновременно его взгляд скользнул по фигуре Се Хунъи. Они встретились ночью, сквозь завесу снежной бури... нет, дело было не в том, что он не мог разглядеть. Он внезапно осознал, что какая-то неведомая сила, то ли ослепительно яркая, то ли непроглядно тёмная, не позволяла ему смотреть прямо.

Теперь, при свете фонарей, его глаза наконец смогли отчётливо рассмотреть шею, но лишь на мгновение.

Се Хунъи отвёл руку и, коснувшись двумя пальцами серебряного браслета, с силой повернул его. Серебряный свет вспыхнул, и взгляд Дань Фэна был грубо отброшен в сторону. В глубине души зародился благоговейный страх, словно это был не браслет, а освящённый в храме клинок, на который и смотреть — грех.

Дань Фэн в своей жизни разрушил немало храмов, но такое сильное чувство вины испытал впервые. Ему захотелось забиться в какой-нибудь монастырь и десять лет бить в колокол.

Из чего сделан этот браслет, если смотреть на него страшнее, чем на истинный облик Бодхисаттвы Внимающего Небесной Радости?

Стоило его взгляду отклониться, как и его желание докопаться до истины рассеялось. Даже фигура Се Хунъи стала расплывчатой.

Лишь красные фонари над головой тихо качались, пока его взгляд снова не сфокусировался.

Фонари?

«Я только что... смотрел на фонарь?»

<http://bllate.org/book/16978/1585506>